

КАЖДОГО из нас, пишущих, кто-то открывает. Меня, как новеллиста, открыл Юрий Олеша. Я был молод, полон веры, что все могу, писал прозу почти во всех жанрах, не всегда разбираюсь в них. И не случайно, после одной публикации в «Новом мире» я получил письмо от украинского писателя Леонида Первомайского, в котором он заметил, что я писатель безжанровый, лирический, публицистический, и не надо мне самому определять жанр своего произведения. А опубликованную вещь предложил при перепечатке назвать поэмой.

Я уже был автором нескольких «безжанровых» книг, когда встретился с Юрием Карловичем Олешей. Это было в Передельно, в Доме творчества.

Судьбе угодно было, чтобы мы жили с ним в соседних комнатах, в одном крыле основного корпуса.

В то время редко кто работал на машинке, а Юрий Карлович писал на машинке.

— Тук-тук, тук-тук, — раздавалось через стену, даже в коридоре. Не знаю кому как, но мне после его «Зависти», «Трех толстяков» глухой речитатив машинки за стеной казался очень приятной музыкой. Ведь стучал, работал на машинке сам Юрий Олеша, кумир тогдашней литературной братии, влюбленной в его самобытное, оригинальное творчество!

Мы встречались с ним только в стоялой или в те редкие минуты, когда Юрий Карлович выходил в холл, чтобы покурить. Имел он тогда совершенно здоровый вид: коренастый, широкий в плечах, с рыжеватыми короткими усиками на верхней губе. Через несколько лет его не станет, но тогда ничто не предвещало близкой катастрофы...

Олеша очень часто, постукавшись ко мне, спрашивался, не мешает ли мне его машинка. Я клялся, что ни-

чего не слышу, но он все равно, нет-нет да просовывал голову в дверной проем, задавал свое неизменное: «Не скрываете. Действительно, я вам не мешаю?»

Однажды, когда он, постукавшись, приоткрыл дверь, чтобы в очередной раз принести свои извинения, я, преодолев робость, от волнения глотая слова, спросил:

— Юрий Карлович! Можно прочесть вам одну вещьку?

То, что я собирался показать, нельзя было назвать ни рассказом, ни новеллой, это были какие-то записи, маленькие, иногда в несколько строк.

Леонид Гурунд

ВСТРЕЧА С МОЛОДОСТЬЮ

Юрий Карлович стоял в дверях, держась за скобу.

— Я сейчас чертовски занят. А белшая? — спросил он.

— Полстранички.

— Полстранички? — заинтересованно переспросил Олеша и прикрыл за собой дверь.

Я покопался в своей объемистой папке с такими же веничками и достал одну из них.

— Читайте сами, — сказал он, продолжая стоять у дверей.

Я прочитал.

— Есть еще?

— Есть, и довольно много.

— Доставайте свой талмуд и читайте.

Мы вернулись к моему письменному столу. Я достал такие же случайные записи, наброски, не особенно надеясь, что они что-нибудь из себя представляют.

Насколько мне помнится, в то время никто не «грешил» такими записями и я

не рисковал кому-нибудь предложить их. А знаменитая, на шумевшая книга самого Юрия Олеша «Ни дня без строчки» вышла только после его смерти, и, разумеется, я ничего не знал о ней.

Юрий Карлович присел на кресло против меня. Нас разделял стол, заваленный рукописями. Я работал тогда над большой книгой, тоже неопределенного жанра.

— Читайте, — поудобнее устроившись в кресле, требовал Юрий Карлович.

— Вы же заняты, Юрий Карлович, — мялся я. Не хотелось отнимать у него время, к которому он относился так бережно.

— Да читайте я вам говорю, — рассердился Олеша и его рыжие, коротко стриженные усы чуть встопорщились.

Я принялся читать. Прочел десятка два таких записей.

Юрий Карлович слушал, подперев щеки ладонями, а лицо ничего не выражало. Я уже не рад был, что затеял все это.

— Эти вещицы, как вы их называете, предлагали кому-нибудь? — только и спросил он, как мне показалось, довольно беспристрастно.

— Нет. Я не знаю, что это такое. Записываю и лежат.

Юрий Карлович встал, сердито отодвинул кресло, на котором сидел, в сердцах бросил:

— Да вы что? Придуриваетесь или меня за дурака принимаете?

И, хлопнув дверью, вышел.

Я стоял окаменелый, страшно озадаченный слу-

чившимся. Никак не мог сообразить, чем это я расстроил Олешу.

Тревожные размышления мои были прерваны буквально через несколько минут вторжением группы писателей, прибежавших в мою комнату после ухода Олеша. То были известная в то время писательница Валерия Герасимова, Герой Советского Союза писательница Ирина Левченко, еще очень тогда молодой Николай Доризо.

— Слушай, Леонид, что ты прочитал Юрию Карловичу, чем ты околдовал его? — спросил Доризо.

— Околдовал? — неуве-

ритель», получают там добрые отзывы рецензентов, а вскоре и выйдут в свет под названием «Камни моего очага».

Как-то при большом скоплении писателей в холле, скупой на похвалу Юрий Олеша, посмотрев на меня, сказал:

— Странные вещи у этого Незнайки. Слова кончаются, а мысль продолжает-ся.

Хорошо ответится потом о вышедшей книге Константин Паустовский. Он называет миниатюры, помещенные в книгу, солнечными строксами. Под таким заголовком газета «Кавказская здравница» даст цикл новелл, сославшись на интервью с Паустовским...

Хотя мне тогда было уже за сорок, меня называли то юношей, то парнем. Как неудержимо быстро летит время!

И вот я встретился с человеком, которого с таким же успехом можно назвать и юношей, и парнем — конечно, с высоты моего преклонного возраста — который, так же робко, как и я некогда, показал мне, пишущему короткие рассказы, свои произведения подобного жанра.

То был Борис Кагермазов, кабардинский поэт, пишущий еще и прозу, прозу необычную для кабардинской литературы — притчи, фрески, лирические миниатюры. До него такого жанра не было в его родной литературе.

Пишет он на кабардинском языке, я читал подстрочники, сделанные им самим, и понял, что они далеко не подстрочники, а совершенно отделанные миниатюры-притчи.

Не знаю, как у него со стихами, но короткие рассказы, иногда на полстранички, а многие и того меньше, в несколько строк, блестящи, и я заключил для себя, что передо мной талантливый человек, двуязычный писатель, пишущий на родном и русском языках. И еще по-

думал об Эффенди Капиеве, выдающемся дагестанском поэте и прозаике, сказавшем: «Я всегда старался укрепить у читателя впечатление об авторе, как сыне своего народа, с радостью вступившем на почву русской речи, но не желающем играть роль человека, изменившего вместе с языком и национальность».

Читаю у Кагермазова: «Кто не знает знаменитых вершин Кавказа — Эльбруса и Казбека? Сколько уже лет люди, дивясь им, слагают о них легенды, поют песни! И всегда забывают о той горе, к которой, если иметь в виду только высоту, по праву должны быть обращены все похвалы, адресуемые Казбеку. Ведь после Эльбруса самая высокая гора не Казбек, а белогорный Дых-Тау. Знают об этом люди, но по-прежнему предпочтение отдают Казбеку. Видно, все зависит от того, к кому первому придет слава».

И точка. Ни слова более. Точка, поставленная вовремя, — соль этого жанра. А сколько вызывает ассоциаций эта недосказанность! Уместно здесь вспомнить Юрия Олешу. Тот случай, когда слова кончаются, а мысль продолжает-ся.

И будет справедливо, если все лестные слова, сказанные Юрием Олешой и Паустовским в мой адрес, я переадресую тебе мой молодой друг, собрат по перу, Борис Кагермазов. Приветствую твой несомненный талант, считаю тебя не учеником, а одним из первоходцев в трудном жанре короткого рассказа, в котором слова кончаются, а мысль продолжается. Я жду от тебя новых восхождений. На Эльбрус и Дых-Тау.

Так я встретился в Передельно со своей молодостью.